

ловскій Л., Войтинскій Вл., Воробьевъ В., Гернетъ М., Геницуръ П., Громовъ В., Гольдбергеръ А., Гуричъ И., Давидовъ А., Деборинъ А., Дейчиъ Л., Дроздовъ Г., Елачичъ Е., Жбанковъ Д., Загорскій С., Залесскій К., Иорданскій Ник., Канслоуизъ Ф., Клейнборнъ Л., Коллодтай А., Крамисфельдъ В., Кржишницкій Л., Ларскій Г., Лосицкій А., Лосицкій А., Лукашевичъ Г., Ляжкій Ев., Майскій В., Масловъ П., Морозовъ Н., Наумогъ Г., Невгдомскій М., Орловскій П., Ортодоксъ, Орианскій Л., Павловскій М., Пезинтосъ К., Пилечова Е., Лисгановъ Г., Поломекій Гр., Попельницкій А., Рожковъ Н., Рубакинъ П., Рубиновъ И., Саватиковъ С., Семинъ О., Соболевъ М., Смирновъ В., Степковъ Ю., Тастаревъ К., Тиандеръ К., Тугамъ-Барановскій М., Талышковъ Д., Тасицъ П., Турсидольдъ Я., Финк-Енотасевскій А., Фришъ Вл., Чернышевъ И., Цыгановичъ Г. и др.

Систематическое освѣщеніе сложныхъ и разнообразныхъ явлений текущей жизни въ ихъ хронологической и идейной послѣдовательности является задачей **постоянныхъ отдѣловъ**:

Литературные отклики. *Вл. Крамисфельдъ.*

Политическія замѣтки. *Ник. Гурданскаго.*

Вопросы текущей жизни. *Л. Клейнборта, Г. Ларскаго.*

Въ Россіи и на Западѣ (материалы по исторіи общественныхъ движеній) *Н. Рязанова.*

Провинціальныя картинки. *Евг. Чирикова.*

Басни и сатиры. *Демьяна Бѣднаго.*

Иностранная жизнь. Письма изъ заграницы. *В. Майскаго, М. Пероуцка, М. Цаслова, Н. Тасина.*

Библиографія. Обзоры новѣйшей литературы по отдѣльнымъ отраслямъ знанія и отзывы о новыхъ книгахъ.

Несмотря на значительное вздорожаніе производства, вълѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ военнаго времени, издательство ограничивается только вынужденнымъ дѣйствительной необходимостью повышеніемъ подписной цѣны.

Подписная плата:

На годъ 10 руб. На полгода 5 руб.

съ доставкой и пересылкою по всей Имперіи.

Безъ доставки въ Петроградѣ на годъ 9 р. На полгода 4 р. 50 к.
За границу на годъ 14 „ На полгода 7 „ — „

Условія разсрочки. Для годовыхъ подписчиковъ, при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала, допускается разсрочка

къ 1 января 3 р. къ 1 іюля 3 р.
къ 1 апрѣля 3 „ къ 1 сентября 1 „

Подписка на иные сроки, кромѣ указанныхъ, не принимается.

Общественныя, казенныя и частныя учрежденія, при подпискѣ по менѣе 10 экземпляровъ, пользуются скидкой.

Книжные магазины, принимая подписку, удерживаютъ въ свою пользу 50 к. съ годового экземпляра и 25 к. съ полугодического (съ заграничныхъ подписчиковъ 70 к. съ годового и 35 к. съ полугодического).

Подписка на иные сроки, кромѣ года и полугода, отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Розничная цѣна отдѣльнаго номера 1 р.; наложеннымъ платежемъ 1 р. 15 к. Перемѣна адреса 25 к. (можно марками).

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Басковъ пер. 35.

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

СОДЕРЖАНІЕ № 10

	СТР.
1. НОВАЯ КРОВЬ. Повѣсть И. Потапенко	1
2. СТИХОТВОРЕНІЯ. Дм. Семеновскаго	40
3. СЛУЧАЙНАЯ ЖИЗНЬ. Разсказъ Г. Яблочкова	45
4. ЗАТИШЬЕ. Романъ В. Стрешевскаго. (Продолженіе)	75
5. РАЗСКАЗЫ ПЬЕРА МИЛЛЯ. Переводъ съ французск. А. Полоцкой	119
6. ЭЛЕГИЯ. Стихотвореніе Н. Венгрова	134
7. ВЪРНОПОДДАННЫЙ. Романъ Генриха Мана. Авторизованный переводъ съ рукописи А. Полоцкой. (Окончаніе)	135
8. НЕВЪСТА. Стихотвореніе А. Липецкаго	186
9. ВЕЛИКІЙ СЪВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ. Г. Гольдберга	1
10. СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ. (Русская курсистка). Л. Клейнборта	17
11. ТУЧКА ЗОЛОТАЯ. (Къ столѣтію со дня рожденія М. Ю. Лермонтова). А. Фжигова	41

дичество всѣхъ родовъ оружія. Все, что обыкновенно поражаетъ воображеніе публики,—всѣ новѣйшія механическія чудовища разрушенія,—онъ опытной рукой спеціалиста ставитъ на принадлежащее имъ скромное мѣсто. И только руки, поворачивающія эти чудовища, интеллектъ, умѣющій ими пользоваться и укрываться отъ нихъ, получаетъ въ его анализѣ боевого плана рѣшающее значеніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что мнѣніе такого спеціалиста, какъ генераль Персень, заставляетъ заново пересмотрѣть распространенные взгляды на сущность боя. И многое отбросить. Не касаясь совершенно тѣхъ выводовъ, которые должна сдѣлать отсюда государственная практика въ дѣлѣ образованія и воспитанія арміи (многіе изъ нихъ дѣлаетъ ген. Персень въ своей книгѣ), нельзя не остановиться на томъ самомъ общемъ положеніи, которое вытекаетъ изъ его указаній.

И это самое общее положеніе заключается въ томъ, что современный бой происходитъ какъ бы на рубежѣ двухъ типовъ милитаризма. Книга ген. Персена рѣзко подчеркиваетъ, что за столѣтіями, которыя несли съ собою лихорадочное нагроможденіе матеріальныхъ средствъ войны, изобрѣтеніе и примѣненіе все болѣе разрушительныхъ орудій убійства,—наступаетъ какой-то переломъ въ связи съ новой соціальной структурой. Если механическія богатства боевыхъ средствъ и не исчерпали всѣхъ своихъ возможностей, то все же они теперь явно недостаточны, и дальнѣйшее ихъ развитіе является не усиленіемъ вооруженной націи, а попросту нагроможденіемъ мертвой матеріи. Ибо пришла надобность въ новомъ человѣкѣ, который сумѣетъ это нагроможденіе использовать.

Эта идея носится въ воздухѣ.

И, если мы обратимъ вниманіе на то, что и въ другихъ соціальныхъ конфликтахъ, гдѣ выступаютъ коллективныя силы, точно также поставлена задача о новомъ человѣкѣ, что Тэйлоръ со своей промышленной системой имѣетъ въ виду не дальнѣйшее усовершенствованіе машинъ, автоматическихъ станковъ и т. д., а улучшение рабочихъ рукъ, промышленное совершенствованіе самого рабочаго,—то и тѣмъ болѣе приходится признать за книгой генерала Персена большое симптоматическое значеніе.

Въ общемъ потокѣ соціальной жизни, хотя и въ условіяхъ смертоноснаго боя, она ставитъ тѣ же задачи и ищетъ тотъ же выходъ, что и на другихъ путяхъ соціального развитія.

I. Ларскій.

Сто лѣтъ назадъ и теперь.

I.

Старые историки-моралисты, искавшіе въ историческомъ прошломъ человечества нравственнаго поученія, любили говорить объ «урокахъ исторіи». Въ ихъ устахъ эти уроки сводились къ очень элементарной и наивной прописной морали, поучающей ходячей сѣренькой добродѣтели,—умѣренности, аккуратности, скромности, смиренію, тихому и безмятежному обывательскому существованію, скрашиваемому развѣ воспоминаніями о разныхъ проявленіяхъ воинской отваги.

И современная научная исторія знаетъ уроки исторіи. Но она понимаетъ ихъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ историки стараго типа. Она вся построена на идеѣ законмѣрности, т. е. постоянной и необходимой послѣдовательности общественныхъ явленій, ихъ зависимости отъ общихъ, основнхъ причинъ. Пониманіе этой причинной зависимости невозможно безъ повторяемости общественныхъ явленій. Нѣтъ ничего болѣе невѣрнаго, какъ пресловутое утвержденіе, будто «исторія не повторяется». Конечно, повторяемость явленій не есть ихъ полное тождество во всѣхъ подробностяхъ, но это одинаково справедливо и по отношенію къ явленіямъ общественной жизни и по отношенію къ явленіямъ природы, изучаемымъ естествознаніемъ. Важно, что и тѣ и другія—и явленія природы и явленія общественной жизни—повторяются въ основныхъ и главныхъ чертахъ, бываютъ въ общемъ сходны между собою. Это и даетъ возможность научно опредѣлить ихъ причины и послѣдствія. И, слѣдовательно, мы получаемъ возможность сравнивать, подвергать сравнительному изученію, весьма плодотворному, событія и явленія, отдѣленные иногда другъ отъ друга цѣлыми столѣтіями. Это способно помочь намъ понять причины и послѣдствія совершающихся на нашихъ глазахъ, современныхъ намъ событій и явленій жизни общества. А такое пониманіе необходимо для того, чтобы разобраться и найтись въ сложныхъ условіяхъ современной жизни и опредѣлить правильную ли-

нію дѣйствія для удовлетворенія интересовъ широкихъ массъ общества и народа.

Сейчасъ вниманіе всѣхъ въ Россіи, да и не въ одной только Россіи, а, можно сказать, во всемъ мірѣ приковано къ великой міровой войнѣ. Конечно, большинство имѣетъ къ ней, по преимуществу, внѣшній интересъ: интересуется частностями борьбы, переимѣнами военного счастья, побѣдами, пораженіями. Конечно, многіе заинтересованы, главнымъ образомъ, участіемъ своихъ близкихъ тамъ, на поляхъ кровавыхъ битвъ. Все это естественно и понятно. Но какъ ни напряжено любопытство, какъ ни велика жажда сильныхъ ощущеній, какъ ни законна сердечная боль за близкихъ, какъ ни тягостны всѣ ужасы войны,—нельзя только всѣмъ этимъ ограничивать свое отношеніе къ войнѣ. Надо еще осмыслить войну. Надо понять ея происхожденіе въ прошломъ, влияние въ настоящее время и послѣдствія въ будущемъ. Разумный, сознательный, мыслящій человѣкъ не можетъ и не долженъ откачиваться отъ этой задачи первостепенной важности.

И здѣсь то, въ разрѣшеніи этихъ именно вопросовъ сравнительно-историческое изученіе можетъ принести великую пользу. Перелистывая великую книгу прошлаго, можно найти важный матеріалъ для сближеній, способныхъ пролить яркій свѣтъ на настоящее, нами переживаемое.

Изъ такихъ сближеній съ переживаемой нами современностью самымъ важнымъ является великая міровая война, происходившая сто лѣтъ тому назадъ отдѣльными, почти не прерывавшимися всплсками, обыкновенно носящими названіе наполеоновскихъ войнъ.

II.

Прежде, чѣмъ разбирать ихъ происхожденіе, характеръ и послѣдствія, въ чемъ и заключается истинный смыслъ всякаго научнаго изслѣдованія, необходимо хотя бы вкратцѣ возстановить фактическую обстановку дѣла, тотъ рядъ событій, въ которыхъ вылилась міровая война за столѣтіе до нашего времени.

Обыкновенно начало этой великой борьбы связываютъ съ великой французской революціей 1789 и послѣдующихъ годовъ и съ образовавшимся въ 1791 году первымъ союзомъ державъ противъ революціонной Франціи или такъ называемой первой коалиціей, въ главѣ которой стояли Австрія и Пруссія. Но эти революціонныя войны, закончившіяся миромъ въ Кампо-Форміо въ 1797 году, носили почти исключительно оборонительный характеръ: старая Европа, основами общественного и государственнаго строя которой оставались тогда еще крѣпостное право и самовластіе или абсо-

лютизмъ, напала на Францію съ цѣлью заставить и ее вернуться отъ демократической гражданской и политической свободы къ старому порядку, но встрѣтила рѣшительный и побѣдоносный отпоръ молодая французская буржуазія отстаивала свою независимость отъ австро-прусскаго и своего отечественнаго, французскаго дворянства. И хотя по миру въ Кампо-Форміо Франція пріобрѣла Бельгію и лѣвый берегъ Рейна, но то были пріобрѣтенія съ цѣлью военной самозащиты—не болѣе. Эти революціонно-оборонительныя войны составляютъ, такимъ образомъ, особый циклъ войнъ, прямо не относящихся къ нашей темѣ. Важно въ нихъ для насъ сейчасъ только одно: во время нихъ во Франціи сложилась подъ влияніемъ новыхъ послѣ революціи социальныхъ и политическихъ условий—главнымъ образомъ господства буржуазіи—новая буржуазно-демократическая армія, успѣшно боровшаяся съ крѣпостными арміями остальной Европы.

Исходнымъ пунктомъ міровой войны прошлаго вѣка былъ разрѣшенный правительствомъ французской республики походъ генерала Наполеона Бонапарта на Египетъ въ 1798—99 годахъ. Этотъ походъ былъ предпринятъ съ цѣлью проложить торговые пути для французскихъ товаровъ въ сѣверную Африку и Индію и потому вызвалъ сильное противодѣйствіе со стороны Англии. Тогда составила такъ называемая вторая коалиція противъ Франціи—изъ Англии, Австріи, Россіи и другихъ государствъ, ознаменовавшая побѣдами Суворова въ Италіи, выходомъ Россіи изъ союза послѣ неудачъ въ Голландіи и Швейцаріи, итальянской кампаніей вернушагося изъ Египта Бонапарта. Война закончилась побѣдой Франціи, получившей по Люневильскому миру 1801 года сѣверную Италію; въ 1802 году былъ заключенъ и Амьенскій миръ съ главнымъ противникомъ Франціи—Англійей. Но то было, въ сущности, только перемиріе—временное для всей Европы, а для Франціи и Англии даже кратковременное: спустя годъ послѣ Амьенскаго мира—въ 1803 году—Англія и Франція вступили въ новую войну, не прекращавшуюся съ тѣхъ поръ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, вплоть до низложенія Наполеона.

Эта длительная и упорная война не была однако все время единоборствомъ двухъ передовыхъ европейскихъ странъ. Время отъ времени—и чѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще и дружнѣе—въ ней принимали участіе, къ ней примыкали и другія, болѣе отсталыя страны. Въ 1805 году союзниками Англии противъ Франціи были Россія и Австрія, развитыя Наполеономъ на поляхъ Аустерлица. Въ 1806 и 1807 годахъ Пруссія, потерпѣвшая поражение при Іенѣ, и Россія, пораженная при Фридландѣ. Вскорѣ затѣмъ Наполеонъ присоединилъ къ Франціи Римъ, Голландію и сѣверо-западную Германію, занялъ Испанію и Португалію и объединилъ ихъ въ одно государ-

ство подъ властью своего брата Иосифа и побѣдилъ еще разъ Австрію въ 1809 г. Послѣ войны 1806—7 годовъ Россія заключила не только миръ, но и союзъ съ Франціей. Это не помѣшало однако походу Наполеона въ Россію въ 1812 году. Послѣ несчастнаго для него окончанія этого похода вся Европа стала въ 1813 и 1814 году союзницей Англии противъ Франціи, и дѣло кончилось поражениемъ Наполеона, его низложениемъ и ссылкой сначала на островъ Эльбу, потомъ, послѣ возвращенія и новаго поражения въ 1815 году, — на островъ святой Елены.

III.

Такъ, въ общихъ чертахъ, шла и закончилась эта великая борьба, длившаяся, въ общемъ, почти безъ перерыва 15 лѣтъ. Чѣмъ она была вызвана и къ чему привела? Вотъ вопросы, полные глубокаго смысла и серьезнаго значенія и требующіе отчетливаго, вѣрнаго и исчерпывающаго отвѣта. И это тѣмъ болѣе, что, несмотря на новѣйшія изслѣдованія, въ обществѣ и въ печати существуетъ по этому поводу много предразсудковъ и поверхностныхъ, совершенно необоснованныхъ сужденій.

Обыкновенно говорятъ какъ объ основной причинѣ наполеоновскихъ войнъ—о непомерномъ честолюбіи и властолюбіи Наполеона, о его стремленіи основать всемірную монархію, утвердить свою власть надъ всѣмъ міромъ. Правда, Наполеонъ любилъ славу и власть; онъ самъ лично говорилъ: „мнѣ нужны честь и слава“. Но онъ не хуже, а лучше другихъ понималъ, что слава и власть подвергаются въ войнѣ величайшей опасности, такъ какъ, по его собственному признанію, побѣда по крайней мѣрѣ наполовину, если не болѣе, зависитъ не отъ искусства вождей, а отъ настроенія армій, диктуемаго реальными потребностями общества и народа, ведущаго войну. Поэтому, если бы не было этихъ реальныхъ потребностей, не было бы и наполеоновскихъ войнъ. Замѣтимъ еще, что, какъ превосходно выяснено выдающимсяъ французскимъ историкомъ Вандалемъ, Наполеонъ очень желалъ мира, въ особенности передъ войной 1812 года, и старался всѣми силами предотвратить эту войну.

Дѣло, значитъ, не въ честолюбіи и властолюбіи. Но, можетъ быть, дѣло въ политическомъ равновѣсіи,—въ томъ, что Франція, расширивъ при Наполеонѣ чрезмѣрно свои владѣнія и подчинивъ себѣ рядъ странъ, стала чрезчуръ сильной и опасной для другихъ странъ. Конечно, это фактъ, но вѣдь это—не причина, а послѣдствіе войнъ. Значитъ, причины или причинъ надо искать гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ.

И, вотъ, новѣйшія изслѣдованія, въ особенности трехтомный трудъ упомянутаго мною сейчасъ Вандаля, открыли эти условія и обстоятельства, явившіяся коренной причиной міровой войны сто лѣтъ тому назадъ.

Чтобы понять ихъ, лучше всего обратиться непосредственно къ первоисточникамъ—къ дипломатической перепискѣ Наполеона. Нигдѣ, можетъ быть, его гениальность не проявлялась съ такимъ блескомъ, какъ именно здѣсь: онъ умѣлъ всегда вѣрно понять положеніе, правильно его оцѣнить, ясно намѣтить задачи и выразить ихъ съ неподражаемою точностью и опредѣленностью. Бывало, что онъ прикрывалъ ихъ, когда то было нужно, пышными фразами, пускалъ пыль въ глаза тѣмъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, но это не мѣшало ясности и гениальной простотѣ замысла и твердости въ его осуществленіи.

Мы видѣли, что еще въ 1798 году, завоевывая Египетъ и—добавимъ теперь—покоряя на пути туда островъ Мальту, Наполеонъ ставилъ себѣ ясную цѣль—обеспеченіе французскаго торговаго преобладанія на Средиземномъ морѣ, укрѣпленіе коммерческихъ связей Франціи съ сѣверной Африкой и, въ особенности, захватъ торговаго пути въ Индію. Въ 1800 и 1801 году, ставъ главой французскаго правительства, онъ, предоставляя своему министру Талейрану прикрывать истинныя свои намѣренія пышной фразой о необходимости „всеобщей свободы торговли“, „свободы морей“ отъ британскаго засилья, увѣрялъ въ письмѣ Павлу I-му, что „интересъ всей Европы требуетъ, чтобы Египетъ принадлежалъ Франціи: она пророеетъ Суэзскій каналъ, который важенъ и для русской торговли“. „Египетъ“, повторялъ Наполеонъ нѣсколько позднѣе въ разговорѣ съ посланнымъ къ нему Павломъ генераломъ Спренгпортеромъ, «противовѣсъ Англии въ рукахъ Франціи; надо, чтобы Англія не пользовалась владычествомъ на Средиземномъ морѣ». По условіямъ Амьенскаго мира 1802 года между Англией и Франціей англичане должны были очистить Мальту, а французы оставить Египетъ. Но Англія не исполнила условія о Мальтѣ, и Наполеонъ, не скрывая своихъ намѣреній относительно Египта, поставилъ вопросъ ребромъ: «или Мальта, или война», а Талейранъ официально заявилъ русскому послу графу Моркову: „если Мальта будетъ у Англии, Франція перестанетъ быть торговымъ и морскимъ государствомъ, ибо торговлю на Средиземномъ морѣ захватитъ Англія.

Вотъ цѣль, смѣло и прямо поставленная и неуклонно преслѣдовавшаяся Наполеономъ въ первые годы его всевластія во Франціи. Ударить въ самый чувствительный экономическій нервъ Англии—средиземноморскую, восточную и, наконецъ, индійскую ея торговлю и передать здѣсь всѣ преимущества Франціи—вотъ къ чему стремился Наполеонъ—первый консулъ французской республики.

Пораженіе французскаго флота при Трафальгарѣ англійскимъ адмираломъ Нельсономъ въ 1805 году и завоеваніе англичанами французскихъ колоній заставило Наполеона—теперь уже императора Французовъ—не то что отказаться отъ этого грандіознаго плана, но поставить его на вторую, позднѣйшую очередь. На первый планъ выдвинута была другая, нѣсколько болѣе скромная сравнительно, но все же очень серьезная и трудная задача—парализовать англійскую торговлю на материкѣ Европы.

Зародыши этой задачи, въ послѣдствіи развернушіеся въ такъ называемую «континентальную блокаду» или «континентальную систему», становятся замѣтны съ 1801 года: тогда Франція потребовала у Неаполитанскаго короля закрытія портовъ его королевства для англійскихъ кораблей. Амьенскій миръ на годъ прервалъ развитіе этихъ зародышей въ цѣльную и стройную систему. Но когда въ 1803 году произошелъ разрывъ Англии съ Франціей, ввозъ англійскихъ фабрикатовъ во Францію и формально союзныя съ ней, на дѣлѣ же зависѣвшія отъ нея государства были запрещены, и потому во время третьей коалиціи противъ Франціи въ 1805 г. континентальная блокада окончательно созрѣла. Она официально была объявлена 21 ноября 1806 года. Неудивительно поэтому, что въ тильзитскомъ договорѣ 1807 года между Россіей и Франціей мы находимъ не только статьи, закрывающія для англійской торговли гавани обѣихъ договаривающихся сторонъ, но и взаимныя обязательства послѣднихъ принудить къ тому же Пруссію, Данію, Швецію, Португалію и Австрію. Съ этою же цѣлью изъ всей западной Германіи Наполеонъ составилъ подъ своимъ покровительствомъ Рейнскій союзъ, велъ въ 1809 г. войну съ Австріей и Испаніей. Изъ за нарушеній континентальной блокады онъ присоединилъ къ Франціи Голландію, Ольденбургъ, Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, чтобы строгимъ французскимъ таможеннымъ надзоромъ прекратить контрабандный ввозъ англійскихъ товаровъ и доставку ихъ на судахъ нейтральныхъ державъ, напр. американскихъ. Вся материковая, континентальная Европа на нѣкоторое время дѣйствительно была почти совершенно закрыта для англійской торговли вслѣдствіе континентальной блокады.

Но въ 1811 году Россія проявила очевидные признаки отступленія отъ континентальной блокады: она отказалась обложить колониальныя (т. е. англійскіе) товары почти запретительнымъ тарифомъ, т. е. такими высокими пошлинами, которыя дѣлали бы почти невозможнымъ ихъ ввозъ; она отказалась конфисковывать контрабандныя суда; наконецъ, она обложила высокими пошлинами французскіе товары. Наполеонъ хотѣлъ торговаго договора съ Россіей на условіи разрѣшенія ввоза въ Россію французскихъ суконъ, шелковыхъ матерій, драгоценныхъ вещей и предметовъ роскоши при

вывозѣ изъ Россіи во Францію на одинаковую сумму дерева, пеньки, желѣза и золота. Наполеонъ не желалъ войны, готовъ былъ не возстановлять Польши: «я не хочу войны, не хочу Польши», говорилъ онъ, «но я хочу выгоднаго союза; съ тѣхъ поръ какъ стали впускать нейтральныя суда, онъ пересталъ быть выгоднымъ», «капитальный вопросъ—вопросъ о нейтральныхъ судахъ и блокадѣ»; «все дѣло въ торговыхъ интересахъ и въ континентальной системѣ», чтобы «нанести смертельный ударъ Англии». Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ наиболее близкихъ къ нему людей Коленкуромъ Наполеонъ наканунѣ войны двѣнадцатаго года утверждалъ съ полною искренностью, что вовсе не жаждетъ завоеваній, что «всѣ захваты, всѣ войны имѣютъ только одну цѣль—свести къ нулю Англию».

Вотъ яркія мѣста, взятая прямо изъ источниковъ, достовѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. «Свести къ нулю Англию», «нанести ей смертельный ударъ» въ экономическомъ отношеніи—вотъ цѣль, красной нитью проходящая черезъ всю внѣшнюю политику Наполеона, вотъ ключъ къ пониманію происхожденія наполеоновскихъ войнъ.

IV.

Но почему же Наполеонъ усвоилъ себѣ эту основную идею, этотъ главный мотивъ своей внѣшней политики? Отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ лишь тогда, когда мы дадимъ себѣ отчетъ о состояніи промышленности въ Англии и во Франціи конца XVIII и начала XIX вѣка.

Съ половины XVIII вѣка, точнѣе—съ шестидесятыхъ его годовъ, въ Англии совершился промышленный переворотъ, произошла огромная, чрезвычайно важная перемѣна въ хозяйствѣ. Съ этого времени главное значеніе приобрѣла на смѣну господствовавшему ранѣе сельскому хозяйству обрабатывающая, фабричная промышленность. Поэтому городское населеніе въ Англии стало быстро расти насчетъ деревенскаго: уже въ концѣ XVIII вѣка половина населенія страны жила въ городахъ. Въ послѣднія 25 лѣтъ XVIII вѣка производство хлопчатобумажныхъ издѣлій утроилось, а производство желѣза удвоилось. Въ то же время произошелъ огромный, неслыханный и невиданный прежде ростъ торговли внѣшней и внутрешней. Въ половинѣ XVIII вѣка Англія вывозила своихъ товаровъ на 145 милліоновъ рублей въ годъ, а иностранныхъ товаровъ ввозила всего только на 15 милліоновъ. 50 лѣтъ спустя—въ началѣ XIX вѣка цѣнность вывоза дошла до 300 милліоновъ руб., а ввозилась товаровъ на 270 милліоновъ, такъ что общій оборотъ англійской внѣшней торговли къ началу наполеоновскихъ войнъ доходилъ

до 570 миллионъ рублей въ годъ, то-есть увеличился за полстолѣтія въ $3\frac{1}{2}$ раза. Много помогало росту англійской промышленности и торговли развитіе машинной техники производства: въ 1769 году англичанинъ Уаттъ изобрѣлъ паровой котель, и 16 лѣтъ спустя это изобрѣтеніе было въ первый разъ примѣнено въ фабричной промышленности: въ 1785 году Кортрайтъ устроилъ первый паровой ткацкій станокъ. Потомъ Харгривсъ устроилъ паровую прядильную машину.

Ничего подобнаго долго не было во всемъ мірѣ. И потому англійская промышленность, далеко опередившая промышленность всѣхъ другихъ странъ и рано принявшая некрѣпостнической, а буржуазно-капиталистической характеръ, то-есть пользовавшаяся свободнымъ наемнымъ трудомъ, стала господствовать на всѣхъ рынкахъ міра или, какъ обыкновенно говорятъ, сдѣлалась монополисткой въ мировой торговлѣ, совершенно не встрѣчая соперничества или конкуренціи.

Такъ было до начала XIX вѣка. Но великая французская революція 1789 и послѣдующихъ годовъ дала силу и власть молодой французской буржуазіи, побѣдившей крѣпостническую аристократію. Политическій успѣхъ, какъ всегда бываетъ, окрылилъ французскую буржуазію и на новыя экономическія завоеванія. И вотъ въ началѣ XIX вѣка, особенно въ періодъ между 1800 и 1806 годами пышнымъ цвѣтомъ распустилась во Франціи новая фабричная промышленность.

Особенно преуспѣвало хлопчатобумажное производство. Въ началѣ XIX столѣтія во Франціи совершенно не существовало коленкороваго производства, а въ 1806 году въ одномъ только округѣ Сень-Кантена было 8 тысячъ станковъ, изготовлявшихъ до 300 тысячъ кусковъ коленкора и другихъ бумажныхъ матерій, успѣшно конкурировавшихъ съ англійскими. Французскій фабрикантъ Оберкампфъ довелъ до громадныхъ размѣровъ производство ситца и ввелъ машинное бумагопряденіе. Машинны англійскаго образца введены были также въ суконное и шерстяное производство. Въ Лионѣ, Нимѣ, Лиллѣ были обширныя шелковыя фабрики, насчитывавшія въ общей сложности до 100 тысячъ рабочихъ. Стали развиваться стеклянныя заводы, гончарное дѣло, производство фарфоровыхъ издѣлій. Въ 1812 году считалось 230 доменныхъ печей, производившихъ 99 тысячъ тоннъ чугуна, такъ что производство его за 25 лѣтъ увеличилось почти на 70 процентовъ. Въ 1806 году Франція вывезла за границу своихъ товаровъ уже на 150 миллионъ рублей.

Извѣстно, что «аппетитъ приходитъ съ ѣдой». И ни у кого этотъ аппетитъ не растетъ такъ сильно, какъ у только что начинающей обогащаться буржуазіи. Она страстно жаждетъ послѣ пер-

выхъ же успѣховъ новыхъ богатствъ, широкаго, необъятнаго простора для своей предпринимательской энергіи. А тутъ еще заманчивый примѣръ англійской буржуазіи, бывшей до тѣхъ поръ монополисткой на мировомъ рынкѣ.

Но побѣдить эту монополистку новорожденной французской капиталистической буржуазіи было очень трудно: англійская промышленность ушла далеко впередъ и технически и коммерчески. Выбить ее съ мировыхъ рынковъ одной только экономической конкуренціей было почти невозможно, во всякомъ случаѣ требовало огромныхъ затратъ и денегъ и времени. А денегъ было пока не особенно много, выждать же время не ждало терпѣнія. Невольно являлась мысль: если нельзя путемъ хозяйственной конкуренціи вынудить англійскую промышленность на отступленіе, нельзя ли силой, военными успѣхами и высокими запретительными пошлинами немедленно отвоевать у нея мировое экономическое господство, сулящее такія великія и богатая милости?

И вотъ Наполеонъ, какъ вѣрный слуга французской буржуазіи, какъ ея приказчикъ, изобрѣлъ континентальную блокаду и, побѣждая континентальныя государства, заставлялъ ихъ принимать это свое изобрѣтеніе.

Континентальная блокада больно ударила по Англии. Она лишила англійскую промышленность всѣхъ ея европейскихъ рынковъ, на которые сбывалось около половины всѣхъ вывозившихся тогда Англійей товаровъ; это былъ убытокъ въ 150 миллионъ рублей въ годъ, что, принимая во вниманіе дороговизну денегъ въ то время, равнялось на наши современныя деньги по меньшей мѣрѣ полумиллиарду.

Но блокада была палкой о двухъ концахъ: однимъ концомъ ударяя по Англии, она била другимъ по самой Франціи. Дѣло въ томъ, что Англія, лишенная европейскихъ рынковъ, стала усиленно захватывать колоніи и, прежде всего, уничтоживъ французскій флотъ, захватила французскія колоніи. А это лишило французскую промышленность сырыхъ матеріаловъ, привозившихся изъ колоній, и колониальнаго рынка для сбыта товаровъ.

Но этого мало: оказалось, что, несмотря на всѣ строгости запрещенія и преслѣдованія, англійскіе товары прорывались и на европейскіе рынки. Во-первыхъ, они были дешевле и часто лучше французскихъ, а во-вторыхъ, — и это главное — Англія вывозила изъ остальныхъ странъ европейскаго континента хлѣбъ, пеньку, лѣсъ и другіе сырые товары, въ которыхъ Франція нуждалась гораздо меньше, такъ какъ сельское хозяйство въ ней играло болѣе видную роль, чѣмъ въ Англии. Поэтому, когда, подъ вліяніемъ континентальной блокады, не только поднялись цѣны на фабричныя издѣлія, но и совершенно прекратился вывозъ въ Англію, земле-

владѣльческое дворянство отсталыхъ европейскихъ странъ, для котораго была выгодна эта вывозная торговля и которое было тогда въ нихъ господствующимъ классомъ, стало выражать недовольство союзомъ съ Франціей и разрывомъ съ Англійей. И началось крушеніе континентальной блокады.

Тогда во Франціи начался кризисъ: фабрики, не имѣя ни достаточнаго количества сырыхъ матеріаловъ, ни рынковъ для сбыта фабричныхъ издѣлій, стали закрываться. Произошла масса банкротствъ, появилась массовая безработица. Оставалось одно: разорубить запутанный безнадежно узелъ, попытаться съ оружіемъ въ рукахъ военное счастье, столь часто улыбавшееся императору французовъ. Кто знаетъ? Нельзя ли еще разъ заставить непокорную Европу сохранить континентальную блокаду?

Эта новая и послѣдняя попытка не оправдала надеждъ и кончилась крушеніемъ 1812-го и послѣдующихъ годовъ.

Теперь ясны основныя причины міровой войны сто лѣтъ тому назадъ. Эта война проистекла изъ столкновенія двухъ капитализмовъ—англійскаго и французскаго,—оспаривавшихъ другъ у друга міровое экономическое господство. Что касается другихъ странъ, кромѣ Англии и Франціи, принимавшихъ участіе въ наполеоновскихъ войнахъ, то, временно вынужденныя подчиниться силѣ французскаго оружія, онѣ все-таки, главнымъ образомъ, тянули въ страну болѣе сильной капиталистически Англии, издѣлія которой были лучше и дешевле, и которая кромѣ того была выгоднымъ и обширнымъ рынкомъ сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства, наиболѣе важнаго въ этихъ отсталыхъ странахъ.

Таковъ конечный отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи наполеоновскихъ войнъ,—отвѣтъ, обоснованный документально столь прочно, что въ этомъ отношеніи нельзя пожелать ничего большаго. Нарушеніе политическаго равновѣсія, личное честолюбіе и властолюбіе Наполеона и властителей другихъ странъ и все подобное—не болѣе какъ второстепенныя подробности, дополняющія картину, но сами оказывающіяся явленіями производными отъ главныхъ, основныя причинъ, послѣдствіями этихъ причинъ. Можно было бы перечислить еще много подобныхъ же второстепенныхъ подробностей—указать, на примѣръ, на то, что противники обращали вниманіе на внутреннее положеніе разныхъ странъ—на положеніе крестьянскаго вопроса въ Россіи, на примѣръ,—и на военную подготовку того или другого государства, чтобы выбрать удобный моментъ для начала военныхъ дѣйствій. Но все это—не устраняетъ и даже не ослабляетъ значенія основной причины—экономическаго соперничества двухъ передовыхъ странъ европейскаго Запада и хозяйственнаго тяготѣнія отсталыхъ странъ европейскаго континента къ болѣе сильной и богатой изъ нихъ—Англии.

V.

Уже эта картина происхожденія наполеоновскихъ войнъ даетъ намъ весьма важный въ научномъ и практическомъ, житейскомъ отношеніяхъ «урокъ исторіи». Происхожденіе міровой войны сто лѣтъ тому назадъ помогаетъ намъ правильно понять и происхожденіе современной міровой войны.

Конечно, за сто лѣтъ многое, очень многое измѣнилось до неузнаваемости. Странъ съ полнымъ господствомъ крѣпостнической аристократіи и неограниченнаго самовластія не осталось или почти не осталось. Капитализмъ, буржуазія, наемный трудъ нашли себѣ повсемѣстное распространеніе. Промышленность и торговля достигли небывало-широкаго размаха. Не только промышленная, но и военная техника выросли до чрезвычайности. Арміи въ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ смѣнились миллионными.

Но при всѣхъ этихъ различіяхъ сколько сходства! И не только въ общемъ и главномъ, о чемъ мы еще поведемъ сейчасъ рѣчь, а и во многихъ подробностяхъ. Вопросъ о политическомъ равновѣсіи въ Европѣ и теперь, какъ и столѣтіе тому назадъ, играетъ извѣстную роль, которую однако не слѣдуетъ преувеличивать. Личное честолюбіе и властолюбіе имѣются у Вильгельма II и его наслѣдника, какъ въ началѣ XIX в. они были свойственны Наполеону. Какъ послѣдній внимательно слѣдилъ за положеніемъ крестьянъ въ Россіи и рассчитывалъ на ихъ возможныя волненія, такъ и теперь въ Германіи и Австріи учитывались лѣтнія петербургскія рабочія забастовки и волненія въ ирландской провинціи Ольстеръ, вызванныя проведеніемъ въ англійскомъ парламентѣ закона о самоуправленіи Ирландіи. Наконецъ, въ Германіи, рѣшаясь окончательно воевать, оцѣнивали тотъ фактъ, что военныя приготовления Россіи и Франціи еще не закончены, и что въ 1916 или 1917 году, когда они будутъ завершены,—поздно будетъ думать о побѣдѣ; а сто лѣтъ тому назадъ тѣ же соображенія часто руководили въ послѣднюю минуту и Наполеономъ, когда онъ окончательно рѣшалъ воевать: такъ было въ войнѣ съ Австріей 1809 года и съ Россіей въ 1812 году.

Но главное, конечно, въ сходствѣ основныя причинъ, главное въ томъ, что, какъ сто лѣтъ тому назадъ Франція осмѣлилась оспорить у Англии міровое экономическое преобладаніе, такъ теперь то-же дерзнула сдѣлать въ отношеніи къ той же Англии Германія. И опять оказалось, что болѣе отсталыя экономически страны тяготѣютъ не къ противницѣ Англии, не къ Германіи, потому что болѣе всего страдаютъ отъ конкуренціи именно германской. Ха-